

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ИЗДЕЖКИ, ВЫЗВАННЫЕ УЧАСТИЕМ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, И ПОРЯДОК ИХ ВОЗМЕЩЕНИЯ

Кузнецов О. Ю.,
преподаватель МЮИ,
к. и. н.

Переводчик, как известно, является факультативным участником уголовного процесса, привлечение которого к участию в производстве по делу обусловлено субъективным фактором – лингвистической некомпетентностью в языке судопроизводства одного или нескольких иных участников следственного и судебного разбирательства по данному делу, а также их личным желанием участвовать в нем на родном языке, отличающемся от языка судопроизводства и делопроизводства в правоохранительных органах.

Использование лингвистических и социально-коммуникативных познаний переводчика в следственных и судебных действиях неизбежно влечет за собой процессуальные издержки, представляющие собой расходы государства, связанные с его участием в производстве по уголовному делу. Вопросы, касающиеся их определения и возмещения, регламентируются непосредственно уголовно-процессуальным законом (ст. 131 и 132 УПК РФ), а также Инструкцией о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд, утвержденной Постановлением Совета министров РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245 (в редакции Постановлений Правительства РФ от 2 марта 1993 г. № 187, от 4 марта 2003 г. № 140)¹ и Постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по применению законодательства о взыскании судебных издержек по уголовным делам» от 26 сентября 1973 г. № 8 (в

¹ Собрание Постановлений Правительства РСФСР. 1990. № 18. Ст. 132; Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации (далее – САПП РФ). 1993, № 10. Ст. 847; СЗ РФ. 2003, № 10. Ст. 905.

редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 1993 г. № 11)².

Переводчик, если он не является сотрудником правоохранительных органов, может принимать участие в процессуальных действиях в одном из двух качеств: или как физическое лицо, привлекаемое в индивидуальном порядке к участию в проведении дознания и следствия, или как представитель юридического лица, участвующий в разбирательстве по делу в порядке исполнения служебного задания (на обе эти возможности прямо указывает п. 3 ст. 132 УПК РФ). И в первом, и во втором случае все процессуальные издержки, связанные с его содействием расследованию преступления, относятся на счет государства (точнее – федерального бюджета). Однако при его участии в процессе как частного лица все они компенсируются ему лично, тогда как при исполнении им служебного задания от имени юридического лица – той организации, которая командировала его для оказания содействия органам охраны правопорядка (единственным исключением из этого правила являются государственные организации, которым эта компенсация не положена, если они финансируются за счет средств федерального бюджета).

Уголовно-процессуальный закон закрепляет двойственное содержание этих издержек и связанного с ним порядка их возмещения. С одной стороны, они имеют компенсационный характер, и к ним относятся суммы, выплачиваемые переводчику «на покрытие расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием» (п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). С другой стороны, им присущи бенефициарные черты, когда часть суммы издержек представляет собой вознаграждение, выплачиваемое ему «за исполнение своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания» (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). В совокупности, как

² Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. М.: Юридическая литература, 1994. С. 193–195.

представляется, взыскание и возмещение процессуальных издержек призвано защитить и обеспечить материальные (финансовые) интересы лица, вызываемого или командированного для участия в процессуальных действиях в качестве переводчика (равно как и любого иного участника уголовного процесса, не состоящего в штате правоохранительных органов, за исключением подозреваемого/обвиняемого).

В связи с этим следует отметить, что переводчик (наряду с нештатным экспертом и специалистом), получая от государства вознаграждение за участие в проведении процессуальных действий, исключается из числа участников разбирательства по делу, которым в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 131 УПК РФ полагается возмещение «недополученной ими заработной платы за время, затраченное ими в связи с вызовом в орган дознания, к следователю, прокурору или в суд». Кроме того, переводчик отсутствует и в перечне участников уголовного судопроизводства, которым в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ полагается компенсация «за отвлечение их от обычных занятий» (точнее, эта компенсация не включается в число процессуальных издержек). Таким образом, выплачиваемое ему вознаграждение следует рассматривать лишь как заработную плату за содействие, оказанное им правосудию.

Несколько иначе материальные гарантии переводчику трактует «Инструкция о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд», которые по общему правилу включают в себя:

- возмещение понесенных расходов по явке – оплата стоимости проезда к месту вызова и обратно, расходов по найму жилого помещения, а также суточных;

- сохранение среднего заработка за все рабочие дни недели по графику, установленному по месту постоянной работы, за все время, затраченное им в связи с участием в процессуальном производстве;

- выплату вознаграждения за письменные переводы текстов (протоколов следственных и судебных действий, обвинительного заключения, приговоров и решений судов, жалоб и заявлений граждан, иных документов), а также за устные переводы.

Как мы видим, данным подзаконным актом установлен более широкий спектр социальных гарантий переводчику в связи с его привлечением к производству по уголовному делу. В частности, Инструкция дополнительно гарантирует ему сохранение среднего заработка за все рабочие дни по графику, установленному по месту постоянной работы. Однако эта норма проистекает из положений не уголовно-процессуального, а трудового законодательства (ст. 170 ТК РФ), согласно которому работодатель обязан освободить работника от работы с сохранением за ним места работы (должности) на время исполнения им государственных обязанностей, а государственный орган (в нашем случае – орган дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суд) – выплатить компенсацию в размере, установленном законом или иным нормативно-распорядительным актом³. Несмотря на то, что Трудовой кодекс РФ не обязывает работодателя сохранять работнику, привлекаемому к участию в уголовном судопроизводстве, средний заработок за все время исполнения им процессуальных обязанностей, тем не менее, такую обязанность на него возлагает Постановление Совета министров РСФСР от 14 июля 1990 г. № 245 (в редакции Постановлений Правительства РФ от 2 марта 1993 г. № 187, от 4 марта 2003 г. № 140). Именно поэтому сохранение среднего заработка по месту работы, будучи для работника, привлекаемого к участию в судопроизводстве в качестве переводчика, его социальной гарантией и, как следствие, обязанностью работодателя, одновременно не является компонентом процессуальных издержек для государства.

---

³ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Ю. П. Орловский. М.: Контракт–Инфра. М., 2002. С. 256.

Рассмотрим и охарактеризуем более подробно те расходы федерального бюджета, связанные с участием переводчика в судопроизводстве, которые в соответствии с предписаниями уголовно-процессуального закона отнесены к процессуальным издержкам, принимаемым государством на свой счет.

Так, проезд к месту явки по вызову и обратно к месту постоянного жительства оплачивается на основании проездных документов, но не свыше:

- стоимости проезда по железной дороге в плацкартном (купейном) вагоне;
- стоимости проезда по водным путям в каютах, оплачиваемых по V–VIII группам тарифных ставок на судах морского флота, и в каюте III категории на судах речного флота;
- стоимости проезда по шоссейным и грунтовым дорогам транспортом общественного пользования (кроме такси);
- стоимости билета обычного (туристического) класса при пользовании воздушным транспортом.

Дополнительно оплачиваются на основании представленных документов страховые платежи по обязательному страхованию пассажиров на транспорте, стоимость предварительной продажи проездных документов, а также затраты на проезд автотранспортом (кроме такси) к железнодорожной станции, пристани, аэродрому, если они находятся за чертой населенного пункта, и пользование в поездах постельными принадлежностями. При отсутствии проездных и сопутствующих им документов с разрешения органа охраны правопорядка, осуществившего вызов переводчика, ему выплачивается минимальная стоимость проезда между местом постоянного жительства и местом явки по вызову в оба конца (при наличии железнодорожного сообщения сумма такой компенсации за проезд, как правило, равна стоимости проезда в пригородном электропоезде или стоимости билета в общем вагоне поездов дальнего следования, при его отсутствии – стоимости проезда автобусом внутриобластного маршрута). В

аналогичном размере компенсируются расходы на горючее при пользовании переводчиком личным автомобилем.

Возмещение расходов по найму жилого помещения, оплата суточных, включая время в пути, выходные и праздничные дни, а также время вынужденной остановки в пути, подтвержденной соответствующими документами, производится в порядке, установленном законодательством о возмещении командировочных расходов (плата за бронирование мест в гостинице в этом случае возмещается в размере 50 % от стоимости места за сутки).

Одновременно не подлежат компенсации такие расходы по явке к месту вызова, как стоимость проезда в пределах одного населенного пункта, а также выплата суточных, если у переводчика имеется возможность ежедневно возвращаться к месту постоянного жительства. Фактически, все расходы по явке возмещаются переводчику в порядке, предусмотренном для командируемых работников организаций (учреждений), финансируемых за счет средств государственного бюджета. Такое положение дел можно объяснить тем, что законодатель рассматривает участника уголовного процесса, не являющегося подозреваемым (обвиняемым) по делу или штатным сотрудником органов охраны правопорядка, как лицо, временно командируемое в помощь государству для отправлении правосудия, а поэтому в его адрес применяются нормы права, действующие в отношении работников, направляемых в командировки⁴.

С 1 января 2003 г. Постановлением Правительства РФ от 2 октября 2002 г. № 729 «О размерах возмещения расходов, связанных со служебными командировками на территории Российской Федерации, работникам организаций, финансируемых за счет средств федерального бюджета» установлены следующие нормы возмещения командировочных расходов:

---

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. И. Радченко. М.: Юрайт, 2004. С. 349.

– оплата найма жилого помещения – по фактически понесенным расходам, подтвержденным соответствующими документами, но не более 550 рублей в сутки (при отсутствии подтверждающих документов расходы по найму жилого помещения компенсируются из расчета 12 рублей в сутки);

– оплата суточных – 100 рублей за каждый день нахождения в командировке (включая день отъезда и день приезда)⁵.

Таким образом, процессуальные издержки компенсационного характера имеют целью возмещение прямых материальных затрат, понесенных переводчиком (впрочем, как и любым другим участником уголовного разбирательства, за исключением должностных лиц правоохранительных органов и обвиняемых) в связи с его участием в следственном и судебном производстве в случае, если участие в процессе не является его служебной обязанностью.

Бенефициарные процессуальные издержки в контексте нашего исследования представляют собой вознаграждение переводчику за устные (вербальные) и письменные (литеральные) переводы содержания документов и процессуальных действий. Его выплата производится «согласно заключенному договору» (п. 9 Инструкции о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд)⁶. Однако никакой дополнительной регламентации условий и порядка заключения договора, определения правового статуса его сторон, норм оплаты труда переводчика, порядка начисления и выплаты ему причитающихся сумм действующее законодательство, к сожалению, пока не содержит, чего нельзя сказать о правовом регулировании труда адвоката в случае его участия в уголовном судопроизводстве по назначению органа дознания или

⁵ СЗ РФ. 2002. № 40. Ст. 3939.

⁶ В редакции Постановления Правительства РФ от 2 марта 1993 г. № 187 // САПП РФ. 1993. № 10. Ст. 847.

предварительного следствия⁷. Фактически, федеральные органы государственной власти самоустранились от регулирования гражданско-правовых отношений, возникающих в рамках уголовного процесса в связи с участием в нем переводчика (также нештатного эксперта и специалиста), чего нельзя сказать о советском периоде отечественной истории, когда эти вопросы имели детальную регламентацию⁸. Поэтому в современных условиях вопрос правил и порядка возмещения процессуальных издержек переводчику нуждается в дополнительном рассмотрении и научном анализе.

Основанием для возникновения гражданско-правовых отношений между органами дознания, предварительного следствия, прокуратурой или судом, с одной стороны, и переводчиком или организацией, в которой он работает, с другой стороны, является потребность правоохранительных органов в квалифицированной лингвистической помощи в условиях, когда один или несколько субъектов уголовного разбирательства изъявляют желание участвовать в процессе на своем родном языке, в результате чего обеспечивается соблюдение их права на национально-языковую самобытность, закрепленного в нормах конституционного законодательства (п. 2 ст. 26 Конституции РФ). Возникающие вследствие этого правоотношения, как было сказано выше, должны иметь договорный характер. Однако ни уголовно-процессуальный закон, ни подзаконные акты, специально посвященные регулированию этого частного вопроса, не позволяют говорить о том, каким именно видом договора должны

⁷ См.: Постановление Правительства РФ «О размерах оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда» от 4 июля 2003 г. № 400 // СЗ РФ. 2003, № 28. Ст. 2925.

⁸ (См. например: Демидов В. И. Уголовное судопроизводство и материальные затраты. М.: Спарк, 1995). В СССР выплата вознаграждения переводчику осуществлялась, исходя из нормативно установленных тарифов в соответствии с объемом выполненного перевода (в печатных знаках), распространенностью языка оригинала и сложностью его письменности (все языки народов Союза ССР были разделены по данным критериям на три категории), о чем подробно писал Джафаркулиев М. А. (См.: Джафаркулиев М. А. Язык судопроизводства в многонациональном государстве. М.: Вердикт, 1992. С. 217). К сожалению, в известных нам работах более позднего времени этому вопросу внимание не уделялось.

регулироваться гражданские правоотношения, возникающие между органом охраны правопорядка и переводчиком в рамках участия последнего в уголовном судопроизводстве по конкретному делу. Также в тексте уголовно-процессуального закона отсутствует однозначное определение, к какой группе объектов гражданских правоотношений следует относить его деятельность в рамках процесса. Так, например, ч. 2 ст. 18 УПК РФ действия переводчика определяет словом «помощь», ч. 1 и 2 ст. 59 УПК РФ – словом «участие», п. 3 ст. 132 УПК РФ – словосочетанием «исполнение обязанностей». Очевидно, что все они не могут рассматриваться как юридические дефиниции при характеристике предмета и содержания деятельности переводчика в уголовном процессе с позиции норм гражданского права.

Предметом договора между переводчиком или организацией, в которой он работает и по ее поручению исполняет свои обязанности в порядке служебного задания, и заинтересованным правоохранительным органом должна являться его деятельность по оказанию помощи какому-либо участнику процесса, не владеющему языком судопроизводства, при осуществлении в отношении него или с его участием каких-либо процессуальных действий. Следовательно, деятельность (действия) переводчика в рамках разбирательства по конкретному делу с позиции ст. 128 ГК РФ может быть определена или как выполнение работ, или как оказание услуг, которые влекут за собой заключение договора или подряда, или возмездного оказания услуг соответственно. Таким образом, его участие в судопроизводстве должно регулироваться гражданско-правовым, а не трудовым договором, поскольку последний в соответствии со ст. 56 ТК РФ регулирует отношения между работодателем и работником, а переводчик согласно ч. 1 ст. 59 УПК РФ таковым являться не может в силу своего процессуального статуса, так как он привлекается к участию в следственном и судебном производстве по конкретному уголовному делу, а не к трудовой деятельности в интересах органа охраны правопорядка, который поэтому не является и не может являться его работодателем.

Между тем, к сожалению, как показывают результаты проведенного нами опроса 30 переводчиков, на протяжении последних лет в разное время оказывавших содействие правоохранительным органам при расследовании преступлений, выплата им вознаграждения до сих пор осуществляется, как правило, на основании именно трудовых договоров, заключаемых с ними должностными лицами органов охраны правопорядка. Такое положение дел, на наш взгляд, не может быть объяснено ничем иным, кроме как ригидностью сознания сотрудников финансовых подразделений правоохранительных органов, привыкших еще в 90-е гг. XX в. использовать типовые формы трудовых договоров для оплаты труда переводчиков и иных участников процесса, привлекаемых в помощь правосудию. Поэтому объективно необходимым представляется издание отдельной инструкции (наставления) органам МВД России и иных федеральных ведомств, уполномоченных осуществлять функции дознания и предварительного следствия, в которой бы нашли отражение правовые новеллы из области финансового законодательства, регламентирующие правила расчетов между правоохранительными органами (в первую очередь, органами предварительного следствия) и теми субъектами судопроизводства, которых принято называть «иными участниками уголовного процесса» (то есть специалистами, нештатными экспертами и переводчиками).

Как уже было сказано выше, гражданско-правовые отношения между переводчиком и правоохранительным органом, по инициативе которого он привлекается к участию в разбирательстве по конкретному уголовному делу, должны регулироваться или договором подряда, или договором возмездного оказания услуг.

По общему правилу, закрепленному в ст. 703 ГК РФ, договор подряда заключается на изготовление или переработку (обработку) вещи либо на выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику, в результате чего последний приобретает на нее все имущественные и неимущественные права. В контексте данного юридического определения использование понятия

«вещь» предусматривает ее материальный (овеществленный) характер, который предопределяет наличие у нее внешне материализованной формы и реального, а не виртуального стоимостного выражения в зависимости от возможности ее оборотоспособности. Уголовно-процессуальный закон прямо говорит об изготовлении процессуальных документов (например, в п. 2 ст. 166 УПК РФ), что позволяет нам сделать вывод о правомерности использования для характеристики этого действия гражданско-правового понятия «работа». Этим же термином также может быть обозначена деятельность по изготовлению литеральных переводов процессуальных документов. Таким образом, деятельность переводчика в рамках уголовного процесса, подпадающая под норму ч. 3 ст. 18 УПК РФ, с гражданско-правовой точки зрения может рассматриваться как выполнение им работ по изготовлению переводов процессуальных документов, подлежащих обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому или другим участникам уголовного судопроизводства.

Однако понятием «работа» не охватывается деятельность переводчика по осуществлению устных переводов, поскольку ее результаты, если и имеют материальное выражение (фиксацию) в виде процессуального документа, составленного следователем (дознавателем), то оно не является непосредственным результатом труда собственно переводчика. В этом случае, на наш взгляд, более уместно пользоваться гражданско-правовым понятием «услуги», которое, как известно, определяет деятельность в интересах заказчика, не имеющую овеществленного результата. По общему правилу, закрепленному в ст. 779 ГК РФ, предметом договора возмездного оказания услуг является совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности по заданию заказчика, который обязуется оплатить эти услуги. Следовательно, с позиции гражданского права помощь переводчика участнику уголовного процесса, не владеющему языком судопроизводства, обеспечивающая право последнего выполнять процессуальные действия, закрепленные в ч. 2 ст. 18 УПК РФ, на родном

языке, является оказанием услуг в рамках разбирательства по конкретному делу. При этом следует особо обратить внимание на следующее обстоятельство: переводчик оказывает услуги не органу дознания или предварительного следствия, который оплачивает его деятельность, а исключительно участникам уголовного судопроизводства по конкретному делу, а поэтому потребителем его услуг является не сам заказчик, а лишь уполномоченное им должностное лицо – следователь, дознаватель, прокурор, а также те субъекты процессуальных правоотношений, которые вовлекаются в процесс на основании его решений.

Деятельность переводчика по исполнению устных переводов в рамках уголовного судопроизводства в полной мере соответствует качественным характеристикам услуг как объекта гражданских прав, сформулированным отечественной юридической наукой. Среди таких отличительных черт ученые-цивилисты выделяют:

- эффект услуги, то есть деятельность по оказанию услуг не имеет овеществленного или материализованного результата, и в этом качестве выступает виртуальная польза, получаемая заказчиком непосредственно от деятельности, а не в результате ее осуществления;

- трудность обособления и неотделимость услуг от их источника, т. е. услуга является индивидуализированной деятельностью конкретного ее исполнителя, а поэтому ее качество или польза от ее оказания напрямую зависят от субъективных черт лица, оказывающего услуги;

- эксклюзивность услуг, то есть эффект услуги является индивидуальным не только по источнику своего происхождения, но и по субъекту их потребления и, следовательно, польза от услуги зависит не только от ее предмета и личности исполнителя, но и субъективных черт ее потребителя, определяющих его способность воспринять этот эффект (пользу);

– синхронность оказания и получения услуг, т. е. услуга оказывается исключительно в процессе взаимодействия (непосредственного или опосредованного) между ее заказчиком (потребителем) и исполнителем;

– несохраняемость услуги, т. е. услуга перестает быть таковой сразу же по окончании деятельности по ее оказанию, после чего сохраняется только эффект услуги, который может пролонгироваться при повторном ее оказании.⁹

Перечисленные выше критерии услуги как объекта гражданских прав весьма точно характеризуют деятельность переводчика в уголовном процессе. Ее результатом является, как известно, передача информации (сведений), изложенных на одном из языков народов России или мира в переводе на язык судопроизводства, после чего она (при правильном документировании) приобретает доказательственную силу, что и является эффектом от оказания переводчиком лингвистической помощи судопроизводству. Перевод сведений, его точность и полнота напрямую зависят от уровня профессиональной подготовки и квалификации переводчика, степени социализации, коммуникативных способностей и психологических особенностей его личности, которые даже при условии полного соблюдения аутентичности оригинала и перевода существенно влияют на содержание процессуального действия. Однотипные действия переводчика в одинаковых следственных ситуациях могут иметь совершенно разные последствия (например, склонить подозреваемого к содействию органам предварительного следствия или, наоборот, спровоцировать его отказ от подобного контакта), что подчеркивает эксклюзивность его деятельности в зависимости от специфических обстоятельств дела. Совершенно очевидно, что перевод текста как результата устной или письменной речи может быть осуществлен лишь во взаимодействии с его автором – непосредственным при вербальном общении и опосредованном

---

⁹ Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 18.

при literalном изложении им своих сведений, при котором текст оригинала является источником информации, а перевод – формой ее передачи на языке судопроизводства (и наоборот, при вручении процессуальных документов в переводе на родной язык субъекта судопроизводства, не владеющего языком, на котором оно осуществляется). Перевод, особенно устный, сохраняет свою актуальность только в той мере, пока он удовлетворяет потребности участников коммуникативного процесса, но может сохранять во времени свой эффект, если он будет запротоколирован в материалах дела, т.е. получит материальную фиксацию в виде доказательства. Таким образом, сопоставляя между собой деятельность переводчика в уголовном процессе и критерии услуг как объекта гражданских прав, мы можем сделать однозначный вывод о том, что по своему характеру и содержанию действия переводчика в рамках уголовного судопроизводства с позиции цивилистической науки должны рассматриваться как деятельность по оказанию услуг в интересах их потребителей, то есть участников уголовного процесса, по заданию заказчика – того или иного правоохранительного органа.

Положение дел, при котором часть деятельности переводчика в уголовном процессе подпадает под действие гражданско-правовых норм о договоре подряда, а вторая ее часть – договора возмездного оказания услуг, не может быть признано нормальным. Участие переводчика в судопроизводстве должно регулироваться гражданско-правовым договором только одного вида. На наш взгляд, наиболее приемлемым в данном случае является договор возмездного оказания услуг. Это утверждение может быть аргументировано следующим образом: овеществленный результат деятельности переводчика в виде перевода процессуального документа имеет значение и ценность лишь в контексте содержания конкретного уголовного дела, а его стоимость объективно не может быть определена, исходя из общих законов товарно-денежных отношений, поскольку уголовно-процессуальные правоотношения изначально не имеют частного характера.

Поэтому перевод протокола процессуального действия или иного процессуального документа как материализованное выражение закрепленной в нем информации все-таки не может рассматриваться как продукт или результат работы и должен восприниматься как побочный результат деятельности по оказанию лингвистических услуг. О правильности такого теоретического подхода косвенно свидетельствует информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 сентября 1999 г. № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг», в котором, в частности, указывается: «Поскольку стороны в силу ст. 421 ГК РФ вправе определять условия договора по своему усмотрению, обязанности исполнителя могут включать в себя не только совершение определенных действий (деятельности), но и представление заказчику результата действий исполнителя (письменных консультаций и разъяснений по юридическим вопросам; проекты договоров, заявлений, жалоб и других документов правового характера)»¹⁰. Используя это разъяснение ВАС РФ в порядке аналогии применительно к исследуемому нами вопросу, мы можем рассматривать письменные переводы процессуальных документов как один из результатов действий переводчика в рамках производства по делу, обусловленный специфическим характером и содержанием его деятельности – оказания лингвистических услуг участникам судопроизводства, когда потребитель результата оказываемых услуг и их заказчик не являются одним и тем же субъектом правоотношений. Следовательно, именно договор возмездного оказания услуг является единственно приемлемым видом гражданско-правовых договоров, посредством которого должны регулироваться отношения между органом охраны правопорядка и переводчиком при выплате ему вознаграждения за участие (исполнение обязанностей) в уголовном процессе. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что международно-правовые документы, регламентирующие

¹⁰ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 11. С. 81.

профессиональную деятельность переводчиков (в частности, п. 4 Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах по улучшению положения переводчиков), настаивают именно на письменном оформлении договорных отношений между ним и потребителем его услуг¹¹.

Есть еще одно обстоятельство, свидетельствующее в пользу договора возмездного оказания услуг как документальной формы закрепления гражданско-правовых отношений между переводчиком и органом предварительного следствия. С позиции норм международного права (п. 3 Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах по улучшению положения переводчиков), перевод представляет собой объект авторского права и предмет интеллектуальной собственности его создателя, а поэтому он формально получает право распоряжаться им по своему усмотрению, что, естественно, противоречит задачам уголовного судопроизводства. Юридической сущностью договора возмездного оказания услуг (равно как и договора подряда) является то, что собственником результатов деятельности исполнителя (в нашем случае – переводчика) автоматически является заказчик (в контексте нашего исследования – орган охраны правопорядка), которому не требуется совершать каких-либо дополнительных действий для подтверждения своего права собственности на полезный результат от оказанной ему услуги. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, должен объясняться факт того, что потребителем лингвистической услуги, оказываемой переводчиком в рамках разбирательства по делу, является субъект процессуальных правоотношений, не владеющий языком судопроизводства, а ее заказчиком – правоохранительный орган, оформляющий в виде доказательства сведения (информацию), полученную в

¹¹ См. подробнее: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами /Вып. XXXIII: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1977 г. М.: Международные отношения, 1979. С. 9.

интересах расследования или правосудия с помощью переводчика. Тем самым, фактически, снимается вопрос о выплате ему дополнительной компенсации за уступку авторских прав на результаты собственной деятельности.

Согласно п. 1. ст. 779 ГК РФ, договор возмездного оказания услуг относится к разряду возмездных договоров (что, собственно, следует из его названия), а поэтому одним из важнейших его условий является цена, определяемая в соответствии с п. 1 ст. 424 ГК РФ соглашением сторон, или, как вариант, порядок ее формирования, исходя из размера (объема) оказанных услуг. Фактически речь идет о порядке определения размера вознаграждения переводчику. Отечественная правовая система не содержит каких-либо правил, регламентирующих исчисление и порядок выплаты вознаграждения переводчикам за участие в уголовном судопроизводстве, оставляя этот вопрос на усмотрение руководителей следственных подразделений органов внутренних дел (и иных равных им по компетенции правоохранительных органов), которые решают его, исходя из субъективного понимания или размера финансирования соответствующей статьи бюджетной классификации. В результате на практике складывается парадоксальная ситуация, когда в одном субъекте Российской Федерации размер вознаграждения переводчика в разных правоохранительных органах в зависимости от их ведомственной принадлежности может существенно различаться в своем денежном выражении, что нельзя признать приемлемым (например, в Тульской области подразделения предварительного расследования транспортной милиции выплачивают переводчикам вознаграждение в два раза большее, нежели Следственное управление при УВД региона).

В этих условиях особую актуальность приобретают международно-правовые нормы, содержащие предписания о порядке выплаты вознаграждения переводчикам за их труд. В частности, п. 5b, с Рекомендации ЮНЕСКО о юридической охране прав переводчиков и переводов и

практических средствах по улучшению положения переводчиков устанавливает следующие правила:

- с момента заключения договора переводчик приобретает право на получение аванса, независимо от объема работы;
- выплата вознаграждения переводчику должна осуществляться аккордно, то есть частями по мере исполнения им перевода или по мере участия в процессуальных действиях;
- переводчик имеет право рассчитывать на дополнительное вознаграждение, если объем перевода превышает нормы, определенные договором.

Поскольку Россия, наравне еще со 146 странами мира, парафировала указанную выше Рекомендацию ЮНЕСКО, положения этого международно-правового документа должны применяться на всей ее территории. Следовательно, они должны отражаться и в договорах, заключаемых между переводчиками и правоохранительными органами, осуществляющими уголовное судопроизводство на той или иной стадии. К сожалению, последние ни методически, ни организационно еще не готовы к подобному сотрудничеству в условиях, когда обе стороны являются равноправными партнерами гражданско-правовых отношений, т.е. переводчик перестает быть предметом административного управления.

Однако гражданско-правовой характер договорных отношений между органом охраны правопорядка и переводчиком объективно вступает в противоречие с отдельными положениями уголовно-процессуального закона или, по крайней мере, требует значительной взаимной корреляции норм гражданского и уголовно-процессуального законодательства. В частности, ст. 425 ГК РФ определяет, что любой договор вступает в силу с момента его подписания сторонами, в связи с чем не вполне понятно, каким образом должны соотноситься между собой заключение договора и постановление должностного лица, осуществляющего дознание или следствие, равно как и определение суда, о назначении переводчика к участию в производстве по

делу согласно ч. 2 ст. 59 УПК РФ. Очевидно, что договор не может быть подписан ранее вынесения постановления (определения) о назначении лица в качестве переводчика, поскольку до этого момента этот человек не может считаться участником судопроизводства. Следовательно, это постановление (определение) может расцениваться с гражданско-правовой точки зрения как оферта, поскольку имеет в соответствии со ст. 435 ГК РФ конкретного адресата, т.е. переводчика, и «достаточно определенно выражает намерение» должностного лица, вынесшего постановление, «считать себя заключившим договор» с ним, т.е. готовность не только привлечь, но и фактически допустить переводчика к участию в производстве по делу (в случае отсутствия обстоятельств, исключающих его участие в следственных и судебных действиях).

Признание с гражданско-правовой точки зрения постановления должностного лица или определения суда о назначении переводчика к производству по делу в качестве оферты, порождает вопрос о том, какое следующее за этим уголовно-процессуальное действие необходимо воспринимать в качестве акцепта? Как известно, после вынесения постановления (определения) лицо, приобретшее в силу этого действия процессуальный статус переводчика, имеет право или уклониться от участия в судопроизводстве в соответствии с ч.1 ст. 62 УПК РФ, заявив мотивированный самоотвод, или принять согласно процессуальному статусу обязательства в соответствии с ч. 5 ст. 59, ч. 2 ст. 161 УПК РФ, дав подписки об уведомлении об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод и за разглашение данных предварительного расследования. С гражданско-правовой точки зрения первое действие может быть расценено как отказ от акцепта, а второе – как акцепт. Такой порядок представляется применимым к договору, заключаемому как письменно, так и устно. Поэтому документальная фиксация гражданско-правового договора между переводчиком и соответствующим правоохранительным органом может быть осуществлена только после того, как переводчик подтвердил принятие на

себя соответствующих его статусу процессуальных обязанностей, подписав уведомление об уголовной ответственности за заведомо ложный перевод.

Не вполне ясным является вопрос о порядке расчетов с переводчиком за оказанные им услуги органу дознания или предварительного следствия. Так, Инструкция о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения лицам в связи с вызовом в органы дознания, предварительного следствия, прокуратуру или в суд, указывает на то, что все расчеты должны быть произведены «немедленно». Однако она не содержит прямого указания на момент или действие, после которого должно быть выплачено вознаграждение переводчику. В качестве своеобразной «точки отсчета» может быть взято в соответствии с ч. 3 ст. 131 УПК РФ вынесение постановления должностного лица органа дознания или предварительного следствия (равно как и определения суда) о выплате причитающихся денежных сумм. С позиции норм гражданского права такое постановление может рассматриваться как акт приема-передачи оказанных услуг (выполненных работ), а поэтому может исключить необходимость его составления как основания выплаты вознаграждения переводчику при документальном оформлении договорных отношений между ним и органом охраны правопорядка.

Однако уголовно-процессуальный закон не содержит однозначного указания на то, в какой момент производства по делу следователь (дознатель, прокурор, судья) должен вынести данное постановление: например, по окончании процессуального действия или по завершении всего предварительного расследования? По нашему мнению, ответ на этот вопрос должен быть сформулирован однозначно: по окончании (завершении) каждого отдельно взятого процессуального действия. Процессуальные издержки, о чем было сказано выше, включают в себя не только вознаграждение переводчику, но и компенсацию его расходов по явке к месту проведения (производства) процессуального действия, которые могут быть в своем стоимостном выражении достаточно значительны. Отложить их

компенсацию до момента завершения предварительного расследования невозможно, поскольку подобная практика может спровоцировать отказ переводчика от участия в судопроизводстве из-за нехватки денег для покрытия расходов по явке. Оплачивать отдельно друг от друга расходы по явке и вознаграждение за исполнение обязанностей в ходе уголовного процесса не представляется возможным, поскольку они только в совокупности представляют собой процессуальные издержки в отношении конкретного лица и даже оплачиваются с одной подстатьи бюджетной классификации. По завершении предварительного расследования все выплаты переводчику (равно как и любому иному участнику производства по делу), осуществлявшиеся после окончания каждого конкретного процессуального действия, должны быть суммированы и внесены следователем согласно ч. 5 ст. 220 УПК РФ в справку о судебных издержках, которая прилагается им к обвинительному заключению.

Следует указать, что составление такой справки по каждому уголовному делу является обязанностью должностных лиц органов предварительного следствия, проистекающей из предписания уголовно-процессуального закона. На этой обязанности органов расследования акцентирует внимание судов Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по применению законодательства о взыскании судебных издержек по уголовным делам» от 26 сентября 1973 г. № 8 (в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 11), п. 2 которого предписывает судам «при принятии к своему производству каждого уголовного дела проверять выполнение органами предварительного следствия требований ... о приложении к обвинительному заключению справки о виде и размере судебных издержек»¹². К сожалению, данное предписание Верховного Суда РФ не утратило своей актуальности до сих пор: как показывают результаты проведенного нами изучения 200 уголовных

¹² Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. С. 194.

дел с участием переводчика, приговоры по которым вступили в законную силу, в материалах только 6 % дел следователями были исполнены процессуальные требования об учете судебных издержек, во всех остальных они были проигнорированы. Данная статистика дает основание предполагать, что при осуществлении процессуального производства по этим делам права их участников были в той или иной мере нарушены.

Не вполне ясной, исходя из предписаний УПК РФ, является форма расчетов между органом охраны правопорядка и переводчиком. Источником правоотношений в этом вопросе является бюджетная классификация РФ, установленная одноименным федеральным законом от 15 августа 1995 г. № 115-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями)¹³, в соответствии с которым (ст. 11) Министерство финансов РФ утверждает Указания о порядке применения бюджетной классификации в РФ (приказ Минфина РФ от 10 декабря 2004 г. № 114Н в редакции приказа от 20 января 2005 г. № 4Н)¹⁴. Оплата услуг переводчика должна быть отнесена на подстатью 226 «Прочие услуги» экономической классификации расходов бюджетов РФ, являющейся прил. 5 к означенным Указаниям, из средств которой возмещаются «расходы учреждения по оплате договоров на оказание услуг ... в целях обеспечения собственных нужд». Как мы видим, действующее законодательство в данном вопросе устанавливает приоритет договорных начал над административной практикой регулирования таких отношений, а поэтому порядок и сроки расчетов должны устанавливаться непосредственно сторонами договора. Таким образом, взаимоотношения между правоохранительным органом, переводчиком или юридическим лицом, в котором он трудится, должны осуществляться по правилам, предусмотренным ГК РФ для договорных правоотношений, а не в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Итак, резюмируя наши умозаключения относительно содержания договора возмездного оказания услуг, на основании которого должны, по

¹³ СЗ РФ. 1996, № 34. Ст. 4030; 2000, № 32. Ст. 3338; 2001, № 33 (ч. I). Ст. 2427; 2002, № 19. Ст. 1796.

¹⁴ Финансовая газета. – 2005, 28 января (№ 4); 25 февраля (№ 8), 4 марта (№ 9).

нашему мнению, компенсироваться процессуальные издержки, вызванные участием переводчика в следственном и судебном производстве, необходимо выделить и указать существенные условия такого договора, без которых данная форма регулирования правоотношений утратит всякий смысл:

- предмет договора (осуществление устных и письменных переводов с какого-либо языка на язык судопроизводства и обратно в рамках производства по конкретному уголовному делу);

- порядок оказания услуг (поэтапный характер деятельности переводчика, обусловленный потребностями производства по делу);

- порядок оплаты услуг (сдельный – в зависимости от объема деятельности в часах и страницах (печатных знаках) для устных и письменных переводов соответственно или сдельно-премиальный – в зависимости от объема, скорости, срочности и качества деятельности);

- цена договора, порядок ее изменения в зависимости от премиальных выплат, вызванных возможным увеличением объема деятельности;

- размер аванса;

- сроки оказания услуг по письменному переводу процессуальных документов (в календарных днях с даты их вручения для перевода);

- порядок расчетов (аккордный характер оплаты услуг по мере их оказания немедленно после завершения процессуального действия и документального закрепления его результатов);

- особые условия (порядок оформления письменных переводов – рукопись или машинопись, обязательства переводчика по бережному обращению с оригинальными версиями процессуальных документов и т.д.).

Подводя итог рассмотрению вопроса гражданско-правовых отношений между переводчиком и органом охраны правопорядка, следует сделать, на наш взгляд, одно существенное замечание: закрепленный ныне в уголовно-процессуальном законе порядок привлечения переводчика к участию в производстве по конкретному делу является отражением наследия советского времени, когда осуществление подобного рода деятельности

рассматривалась как общественная обязанность, а поэтому не имела никакой документальной фиксации за пределами материалов дела. Изменение социально-экономических отношений в стране и последовавшая вслед за ними модернизация законодательства существенно скорректировали содержание взаимоотношений между переводчиком и соответствующим органом охраны правопорядка, придав им характер договорных правоотношений. Сегодня правоохранительные органы административно и методически не готовы к взаимодействию с переводчиками (равно как с нештатными экспертами и специалистами) в новых условиях общественного бытия. Поэтому в отечественной юридической науке и практике в самое ближайшее время должен быть поставлен и решен вопрос о месте гражданского договора в уголовном процессе как способе обеспечения процессуального статуса некоторых категорий его участников, деятельность которых имеет значение для его законности и правомерности.

Мы же сформулируем некоторые выводы относительно гражданских правоотношений в уголовном производстве в контексте рассматриваемого нами вопроса процессуальных издержек, неизбежно возникающих вследствие участия переводчика в разбирательстве по конкретному уголовному делу:

1. Процессуальные издержки характеризуют переводчика как независимого и самостоятельного участника разбирательства по делу, выступающего в роли исполнителя услуг не в силу его привлечения к расследованию правоохранительным органом, а исключительно в силу своего статуса, определенного в уголовно-процессуальном законе, о чем свидетельствует законодательно закрепленная обязанность органа охраны правопорядка выплатить ему вознаграждение за осуществленную деятельность в рамках расследования преступления.

2. Отечественная правовая система рассматривает участие переводчика в уголовном судопроизводстве не как исполнение им какой-либо гражданской обязанности, а как оказание им услуг должностному лицу

правоохранительного органа, осуществляющему расследование, в целях торжества правосудия, а не в целях создания удобств стороне обвинения.

3. Правоотношения, возникающие между правоохранительным органом и переводчиком в процессе исполнения им своих обязанностей, имеют гражданско-правовой характер, а поэтому не могут рассматриваться как трудовые правоотношения, что является прямым следствием процессуального статуса переводчика как самостоятельного и независимого участника уголовного процесса.

4. Нормы уголовно-процессуального закона и гражданского законодательства, регламентирующие имущественные правоотношения между правоохранительным органом и переводчиком (равно как штатным экспертом и специалистом), возникающие вследствие его участия в процессе, требуют взаимной корреляции и дополнительного теоретического изучения.

5. Правоохранительные органы объективно не готовы осуществлять взаимодействие с переводчиками в новых социально-экономических условиях, а поэтому представляется необходимой разработка и издание отдельной инструкции для органов охраны правопорядка, осуществляющих расследование преступлений, в которой бы нашли свое отражение правовые новеллы из области финансового законодательства, регламентирующие правила расчетов между правоохранительными органами (в первую очередь, органами предварительного следствия) и теми субъектами судопроизводства, которых принято называть «иными участниками уголовного процесса» (т. е. специалистами, экспертами и переводчиками).